

История Усть-Колек-Ёганской начальной школы

Разбирая фондовые материалы Экоцентра, наткнулась на статью бывшего заведующего Нижневартовским районо Ситникова П.К. «Развитие народного образования в Нижневартовском районе». Оценивая состояние образования в 50-60 г.г. прошлого века, автор сообщает об открытии новых школ, в том числе начальной в д. Усть-Колек-Ёгане, тогда еще Ларьякского района. Здесь же ошибочно Ситников указывает, что в конце 50-х эта школа была закрыта, и делает интересное замечание: «Отдаленность района от окружного и областного центров и несовершенство средств сообщения и связи тех лет создавали особые трудности. Да и разбросанность учебных заведений на территории района также затрудняла руководство. Зачастую учителя отдаленных селений в течение всего учебного года не могли получить, помощь, в которой многие нуждались».

Я училась в этой школе. Поэтому не могу не уточнить названные даты и не рассказать о той стороне образования, о которой не было принято писать в передовицах, но о которой все-таки упоминает Павел Карпович в своей статье. Усть-Колек-Ёганская начальная школа открылась в 1957 году. Своим открытием она была обязана нашим родителям: Шлябину Дмитрию Васильевичу и Шлябиной Вере Михайловне. Мама носила тогда девичью фамилию Линник.

В деревню из пяти домов Устье-Колек-Ёган (в переводе с хантыйского «Устье Вороновой реки») мы переехали в июне 1957 года из деревушки Озерной, основанной по решению правления колхоза им. Мирюгина на реке Колек-Ёган прямо в тайге в четырех километрах от впадения этой реки в Вах. Озерную основали три русских семьи: наша, Федора Казаринова, Алексея Сиротина и две семьи хантов, братьев Кирилла и Игната Кыкиных. Но это уже другая история.

До нашего приезда в Усть-Колек-Ёгане среди хантов проживало две русских семьи: Гавриловы и Шадрины. Первая детей не имела, во второй было двое ребят школьного возраста. С нашим приездом школьников стало четверо. Хантыйские дети в расчет не брались, так как находились на государственном обеспечении и жили в интернатах: младшие – в Колек-Ёгане, старшие – в Ларьяке. Многие ханты учиться не хотели. Не могла русская грамота оказать им помощь ни в промысле, ни в оленеводстве. Помнится, как упирался Кыкин Гаврилка, когда его, даже по русским меркам, взрослого парня, тащили в школу.

С наступлением учебного года и Шадриных, и меня со старшим братом Женей ожидала жизнь в Колек-Ёганском интернате. Мне предстояло идти в первый класс, Жене – в третий. Он уже имел опыт интернатской жизни в Колек-Ёгане среди хантыйских детей, которые ненавидели русских за всё. И за чужой непонятный язык, и за проклятую грамоту, которая никак не давалась; и за узкую, ужасно неудобную казенную одежду, и за чужих людей вместо родных лиц, которые смотрят на тебя свысока, и за тоску по родному дому, любимой реке, привычному образу жизни.

Вот как вспоминает о жизни в интернате известный поэт и оленевод Юрий Вэлла: «... Помню, нам запрещалось носить наши малицы и рили: "Варвары, дебилы, тупицы, в интернат таскаете вшей». Но малица была удобной: заканчивался урок, и мы вылетали на улицу – сразу, конечно, в сугроб... Но у нас отнимали малицы и запирали их в чулан. Взамен мы получали «цивилизованную одежду»: суконную шапку, пальто, валенки. Все это было страшно неудобно – шея открыта, в валенки набивается снег, а носки, к которым мы не привыкли, постоянно сбивались в гармошку, стаптывались под ступнёй.

Ребята, отлученные от родителей, утрачивали лучшие черты характера, присущие северным народам: доброту, врожденную тактичность, детскую наивность. Вместо них – озлобленность, протест, и как следствие – жестокость.

Хантыйские дети, жившие в Колек-Ёганском интернате, свою ненависть переносили на немногих русских школьников, попавших туда. Ханты, многие из которых были взяты в школу переростками или не один год числились второгодниками, били русских жестоко: устраивали «темную», расправлялись кулаками, кололи перьевыми ручками, обмакнутыми в чернила. К счастью, брат не сломался. Он не был слабаком, кулаками отстаивал свое право на существование. К весне он не мог справиться лишь с двумя ребятами старшего на 4-5 лет.

В отличие от реки Ваха, на сем протяжении которого от Вартовска до Ларьяка с наступлением морозов действовала "веревочка", по реке Колек-Ёгану, на берегу которого стояла д. Колек-Ёган, зимника не было. Естественно, и почту туда не возили, Поэтому мама свою увидеть Женю только в середине зимы, когда из Колек-Ёгана, где располагалось правление колхоза им. Мирюгина, за нею прислали оленей. Матери пришлось преодолеть огромное пространство с ночевками на снегу, чтобы попасть из Озерной в Аган и произвести бонитировку пасшихся там оленьих стад. По дороге заехали в Колек-Ёган, здесь в мамином ведении находилась и лисоферма. Когда она появилась в интернате, Женя сидел на голом полу и чинил одежду. Девятилетний сын поднял на мать глаза и заплакал:

– Ты так долго не ехала... Я думал – ты утонула...

Кто внушил ему эту мысль? Может быть, озлобленные хантыйские ребята, захотевшие поиздеваться над белоголовым русским мальчиком... Может быть, оставил память сибирский образ жизни, при котором большая доля смертей была связана с гибелью на воде... И каково было ему, ребенку, постоянно испытывая на себе враждебность окружающих, жить еще и с этой мыслью!?!

Когда, после окончания занятий Женю привезли домой, его было не узнать: весь настороженный, взгляд исподлобья, некоторые слова стал произносить с хантыйским акцентом. Кроме того первым делом обидел меня и младшего брата Диму, с нетерпением ожидавшего его приезда. Сработал инстинкт самосохранения: чтобы выжить, нужно установить свою диктатуру. Пришлось отцу устанавливать прежнюю власть и объяснять сыну, что он вернулся не в стан врагов, а в круг родной семьи.

Разумеется, перспектива жить в интернате не радовала ни нас, ни наших родителей. Что было делать? Школу в Усть-Колек-Ёгане для четырех русских детей районо не позволит открыть. Для этого нужно набрать хотя бы пять учеников. А где его взять, пятого русского? И тогда мать с отцом написали заявление о зачислении пятилетнего Димы в школу, не указав его дату рождения.

В августе 1957 года к нам прислали учительницу Киселеву Тамару Константиновну. Она приплыла на пароходе «Барикадист» с партами, учебниками, детской библиотечкой. Однако, ни жилья для нее, ни школы не оказалось. Первый вопрос решился сразу и просто: учительницу взяли на постой Шадрины. В то же время денег за жилье не брали. Вскоре радостная мама привела Тамару Константиновну к нам домой. Познакомила и решила заодно продемонстрировать свои знания. Под рукой оказался только ее ветеринарный учебник. Читала я быстро, так как грамоте научилась рано. Но на незнакомых длинных словах пару раз споткнулась. Учительница, смотревшая на меня с удивлением, ничего не сказала.

– Все, в школу меня не возьмут, плохо читаю! – с ужасом думала я до самого начала учебного года. Но спросить кого-нибудь об этом не решалась, было стыдно, что не умею читать.

Со школой была проблема. К этому времени успели собрать только два дома, сплавленных из Озёрной. Стояла горячая сенокосная пора, свободных рук не было. На общем совете решали собирать школу (из дома уехавшего Казаринова) после работы. В строительстве школы участвовали все: от хантыйских доярок до русских детей, приняла участие в общем деле и Тамара Константиновна. Мы, дети, драли в тайге, сразу за школой, сырой мох и укладывали его в пазы между бревен.

К первому сентября школа была готова, оставалось сложить печь. Учеников, чтобы не отстали от программы, временно разместили в избушке рыбоучастка. На рыбоучастке и печника нашли, на редкость медлительного работника Никиту. Отцу приходилось постоянно поторапливать его. Когда кладка дошла до потолка, Никита обнаружил, что забыл вставить вьюшку. Пришлось переделывать печку заново. Никита бурчал – Ходют, ходют все, торопят, а никакая бестолочь не подсказала, что вьюшку забыл положить.

Вскоре мы перебрались в новую школу. А в середине зимы из Ларьяка по «веревочке» прибыла комиссия районо с проверкой в составе Исыпова и Черепановой Веры Георгиевны. Диме дали задачку, он быстро ее решил с помощью палочек. Палочки забрали, попросили решить другую задачу. Брат перевел взгляд на неоштукатуренную стену и принялся производить арифметические действия с брёвнами. Тамара Константиновна рассмеялась, встала перед учеником, загородив собой брёвна. Тогда Дима принялся складывать кружочки на брошке учительницы. Вера Георгиевна поинтересовалась, сколько ему лет.

– Пять, – последовал ответ.

Затребовали документы. После чего Диму перевели в нулевой класс. В то время они создавались специально для хантыйских детей. Закрывать школу было уже поздно.

Тамару Константиновну мы любили, любое ее слово было для нас законом. Однажды, на вопрос отца, уж не помню по какому поводу:

—А что сказала учительница?

Дима ответил:

— Ничего не сказала. Лишь хвостом вильнула и ушла себе в глубокое море.

Она на самом деле напоминала золотую рыбку, когда та утрам выходила из-за перегородки со своей половины: рыжекудрая, с лицом, расцвеченным веснушками в золотой цвет, в длинном халате, внизу спадающем волнами, словно хвост сказочной рыбки.

В том же году учительница вышла замуж, поменяла фамилию на Медведеву и с окончанием занятий счастливая уехала. Больше мы ее не видели. Где-то она теперь, наша первая учительница?

На следующий год к нам был назначен новый учитель: Юрий Павлович. Умышленно не называю его фамилию. Молодой учитель оказался нервным. Шадриным большим труженикам, детям природы, учёба давалась с трудом. Отрешённо-тоскливо смотрел в окно Шурка или, опустив голову, рассматривала носки обуви пунцовая Надя, пока Юрий Павлович в воспитательном порыве стучал кулаком по столу. А вся школа, в лице остальных четырех детей, с замиранием сердца следила за прыгающей чернильницей на столе учителя. Выльются чернила или нет? Часто в приступе ярости Юрий Павлович хватался за спинку стула, поднимал его кверху и с грохотом опускал на пол. К концу года из имеющегося в наличии комплекта стульев чудом уцелел лишь один...

Лина Дмитриевна Кашина